

Первый снег и МИЗОГИНИЯ

Вячеслав Крыжановский

Вячеслав Крыжановский

Первый снег и мизогиния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70492555

SelfPub; 2024

Аннотация

Воспоминание о том, как я публиковался во владивостокском самиздатовском журнале «КоКон» в начале 1990-х.

Содержание

Вячеслав Крыжановский

Первый снег и мизогиния

Есть желание вспомнить все литературные движухи конца 80-х, начала 90-х. Дерябин расскажет о КоКоне, Корнилов о ВКПб, БИМСе, Нелюбин – о Дилетанте, ТОЛе. Все они сейчас – авторы СЛ и логично будет вспомнить все истоки. Это к тому, что если у тебя в архивах что-то есть к большой истории добавить – присылай.

– из переписки в WhatsApp

Быть знаменитым некрасиво.

Не это подымает ввысь.

Не надо заводить архива,

Над рукописями трястись.

Борис Пастернак

В архивах у (пока что не слишком знаменитого и поэтому всё ещё довольно красивого) меня о «КоКоне» – самиздатовском журнале, выходившем в начале 90-х во владивостокском ДВГУ – ничего нет. Да и в памяти сохранилось не очень много. А ведь это была (если, конечно, она вообще была) моя первая публикация, пусть и в самиздате. Или, по крайней мере, была попытка.

Конец 1992-го, начало моего второго курса в ДВГИИ. Мы с тогдашней моей возлюбленной Наташей Чуриной и её – love me, love my dog – собакой Лисиком сторожим детский сад на Второй Речке. Точнее, сторожит Наташа, она устроилась работать сторожем, а мы с Лисиком как можем помогаем ей в этом.

К нам в гости – то в этот самый садик, то в барак на Шкипера Гека – по вечерам заходит Лёша Денисов. Он приносит кофе и сливочное масло. Денисов тогда работал милиционером в рыбном порту, и продукты ему выдавали на службе. Мы варим кофе, мажем маслом бутерброды, курим и болтаем. Лисик как может помогает нам в этом. Из нас всех только он не курит и не очень любит кофе, зато бутерброды с маслом просто обожает. А болтаем мы – в числе разного прочего о литературе: о Воннегуте и о Кастанеде, о Кинге и о Желязны, о Шекли и о Брэдбери, о Кафке и о Сигизмунде Кржижановском, о Кортасаре и о Карпентьере, о Маркесе и о Борхесе, о Бродском и о Сосноре...

Однажды в придачу к маслу Лёша принёс немного, что называется, пицци духовной. Это был журнал «КоКон». С его, Лёшиным стихотворением:

*Первый снег. Старушка на базаре
уступила мне за полцены
расписанье вечных опозданий —
Календарь Движения Весны.*

Здесь следует, во-первых, отметить исчезающую, мерцаю-

щую рифмовку нечётных – неясно, то ли это холостые строки, так называемая «гейневская» строфа (как утверждает Ч.), то ли это всё же (как думается мне) такая приблизительная ассонансная рифма. Этот приём работы с рифмой (и с читательским ожиданием) станет впоследствии одной из отличительных черт поэтики Денисова. Ну и, во-вторых, нужно признаться, что вообще-то весь этот случай точно так же мерцает и исчезает у меня в памяти. Я очень плохо помню подробности и – главное – не уверен, был ли вообще принесён тогда журнал – *брошюрка такая тоненькая А4 пополам* – или Лёша рассказывал нам о нём на словах.

Лёша пояснил, что «КоКон» – означает *Колониальный Концептуализм*, а издаёт журнал – его приятель Андрей Дерябин. Андрей учится в ДВГУ, он восточник-китаевед. И это уже был, кажется, не первый, а – то ли второй, то ли, может быть, даже третий выпуск издания. Также, вроде бы, в нём напечатан текст Димы Рекачевского, но с Рекачевским я тогда ещё не знаком, на встречи литобъединения в Союзе писателей я начну ходить позже.

Полистав тогда этот «КоКон», (если он вообще был, хотя если его не было, то – с чего бы тогда) мы единодушно порешили, что это – разумеется, за вычетом одного прекрасного четверостишия – в общем, ну такой студенческий сборничек. И уровень большинства текстов в нём – ну такой соответствующий – эдакие хохмочки, написанные витиеватым стилем с обилием всевозможных сложных оборотов речи,

они, вероятно, должны быть лучше всего понятны тем, кто имеет отношение к университету, ещё лучше – конкретно к восточному факультету.

Так или иначе, Денисов напечатан и очень этому рад. Это его первая – как снег в стихотворении – публикация. И он не собирается на этом останавливаться, а рассчитывает продолжать и впредь печатать в «КоКоне» стихи и так постепенно довести количество *старушек* может быть даже до рубля – символического, понятное дело, капитала. Меня же великодушно приглашает присоединиться – что называется, за компанию. Как потом за компанию зазовёт он меня и в лит-объединение.

Отдавать что-либо, так сказать, серьёзное в этот, как мы его почему-то восприняли, скорее юмористический проект мне представлялось неправильным. Но быть напечатанным – это чертовски заманчиво. И я кропаю – в качестве эдакого пробного камня – какую-то несусветную дичь. Наташа с Лисиком как могут помогают мне в этом. Называлось это как-то... то ли «Куплеты женоненавистника», то ли «Опыты женоненавистничества» и представляло собою цикл элегических дистихов, весьма, как всем нам тогда казалось, остроумных и ироничных. Ну или, по меньшей мере, в достаточной степени *концептуальных*. Смутно помню что-то вроде такого, например:

Я согласен с поэтом, есть женщины в русских селеньях.

Вот бы в горящую избу всех их да разом собрать!

или ещё:

Из мужского ребра создал женщину Бог по преданью.

Я за возможность обратного трюка все рёбра отдам!

Опусы эти я подписал псевдонимом Ф. А. Гот (это моё дружеское прозвище в училище, так я подписываю свои письма в Красноярск Аркаше Казанцеву¹). И мы с Наташей и Лисиком, вероятно, перепечатали тогда их в детском саду на машинке или, может быть, просто переписали аккуратным почерком, после чего отдали Лёше, а он передал Дерябину. А что было дальше, я не знаю. Выпуска с этими текстами мы тогда так и не увидели. Полагаю, что он попросту не вышел.

Стихотворение про первый снег и торгующую полиграфией себе в убыток старушку войдёт в первую книгу Денисова «Твёрдый знак». Оно будет открывать собой сборник, следуя сразу за словами: «посвящается моей жене». Женой Лёши к тому времени станет Наташа. Выбирая из двух поэтов, один из которых уже публикуется в журналах, у второго же с пуб-

¹ Вероятно, письмами Бегемоту-Аркаше и была в немалой степени обусловлена эта нарочитая мизогиния: он тогда написал мне из Красноярска, что собирается жениться, я же в ответ взялся отговаривать его, пугая грядущими трудностями брака и приводя в качестве аргументов русские народные пословицы на соответствующую тему. В душе я был рад за Аркашу и писал так, разумеется, в шутку, но Аркаша впоследствии признался, что его невеста тогда приняла всё за чистую монету и была моими письмами очень недовольна и возмущена.

ликацией происходит непонятно что, и вдобавок к этому он ещё и сочиняет гадости про слабый пол, – можно не гадать, на чью сторону склонится женское сердце. Для книги «Твёрдый знак» Наташа нарисует очень изящную шрифтовую обложку.

В любом случае, получается, журнал «КоКон» был довольно заметным явлением в литературной жизни Владивостока начала 90-х – я его не только читал (вроде бы), но даже пытался в нём напечататься. И в историю литературы ему было суждено войти и остаться в ней теперь навеки – изданием, где была самая первая публикация Денисова.

Лёша написал мне сейчас: *«Да, первая. Там ещё была прозаическая миниатюра „Брат“. По-моему, „Брат“ она называлась. Хилый закос под Кафку, насколько я помню...»*

Ну а вот я эту прозаическую миниатюру «Брат» почему-то не помню вообще. Выходит, я всё же не читал тогда сам этот журнал? А читал уже намного позже тексты из него в Сети на сайте Ивана Тарасова [«Железный век»](#) (и там же видел и текст Рекачевского)? Или миниатюра «Брат» могла быть в другом выпуске?

Или – самое простое объяснение – произошло и то, и другое, но – в разных ветках реальности. В одной ветке реальности Лёша принёс нам показать журнал со своей публикацией, а в другой ветке принёс только масло, а про журнал рассказал на словах. Об этих параллельных ветках, о таком неизбежном расслоении событий прошлого знает всякий, кто ко-

гда-либо пытался писать мемуары и опрашивал участников и/или свидетелей оных событий. Призрачно всё, как любит повторять в таких случаях сам Лёша.²

² К слову о призрачности братьев, в [10-м выпуске](#) альманаха «Артикуляция» можно (в России – через VPN) прочесть стихотворение А. Денисова «видел призрака, был мне тот призрак как брат...» с то и дело исчезающей, «мерцающей» рифмовкой.